

Я сказала: «Не торопись. Я найду человека, который устроит его на должность, пусть даже небольшую, — это всё же будет доход. Как только он получит ранг, твои родственники не посмеют смотреть на него свысока. Пусть спокойно поучится пару лет, а затем снова попытается счастья на экзаменах. С моей помощью он точно не провалится». С того дня, как матушка затронула эту тему, я внимательно изучила все тонкости системы кэцзюй. Ныне не считается зазорным искать связи и протекцию, экзаменационные работы не анонимны, и при оценке всегда учитывают личные обстоятельства кандидата. Так что если я приложу усилия, то смогу обеспечить, чтобы Вэй Ушэнжэнь сдал экзамен и прошёл отбор в Ведомстве чинов.

Вэй Хуань взглянула на меня и ответила: «Благодарю за вашу доброту, госпожа, но говорить об этом пока рано. Обсудим, когда вы покинете дворец». Видя, что я собираюсь настаивать, она приложила палец к моим губам и понизила голос: «Если вы сейчас кого-то попросите, это будут либо Наследный принц, либо Князь Цзи. Попросите — и останетесь должны. Возникнут взаимные обязательства, и всё запутается».

Я было хотела сказать: «Это мой родной брат, разве за помощь в продвижении простого студента нужно будет расплачиваться?», но, подумав, проглотила эти слова и спросила: «Ты что-то заподозрила?»

Вэй Хуань покачала головой: «Не то чтобы заподозрила. Просто мне кажется, если даже Наследный принц такого высокого положения вынужден в деле, которое и так входит в его обязанности, обращаться за помощью к младшей сестре, то, возможно, между Вашим Величеством и им есть серьёзные разногласия».

Я помолчала, а затем призналась: «Вообще-то он сначала искал Ли... брата Жуя. Тот проспал, Наследный принц его не дождался, встретил меня и уже тогда, на месте, обратился ко мне. Я не дала ответа, и он не настаивал. Возможно, это была просто случайная фраза, он и не рассчитывал всерьёз».

Она снова посмотрела на меня: «Это как раз и говорит о его тревоге. Иначе зачем бы он, случайно встретив вас, обратился именно к вам, госпожа?»

Я знала, что матушка недолюбливает Ли Шэна, но, видя, как спокойно она вела себя с ним в последнее время, да и отец был ещё в добром здравии, не думала, что дело зашло так далеко. Вспомнив выражение лица Ли Шэна в тот момент, я ощутила ледяной холод в груди: «Он считает, что Люлань больше любим родителями и имеет в их глазах больший вес? И потому, торопясь с этим делом, обратился к нему?»

Вэй Хуань кивнула и добавила: «Он также полагает, что вы пользуетесь большим расположением Вашего Величества, чем он».

Меня бросило в дрожь. Я с усилием улыбнулась: «Не может быть».

Вэй Хуань сказала: «Будь это так или нет, сейчас непростое время. Если вы слушаете моего совета, госпожа, вам стоит меньше вмешиваться в дела внешнего двора и беззаботно предаваться развлечениям. В конце концов, вы всего лишь принцесса, а выйдя замуж, и вовсе станете чужой для императорской семьи. То, что там...» — она кивнула в сторону Чертога Чжэньгуань, — «вас больше не коснётся».

Я задумалась, не отвечая.

Вэй Хуань, решив, что я всё ещё сомневаюсь, продолжила: «Мне не следовало говорить этого. Но раз уж вы считаете меня близким человеком, я обязана быть искренней. Наследный принц

и Князь Цзи — оба родные сыновья Тяньхоу. По старшинству Князь Цзи, как бы его ни любили, не может превзойти Наследного принца. В истории бывало, что лишали трона сыновей наложниц, чтобы возвести на престол сыновей императрицы, но редко — чтобы лишить старшего сына ради младшего. Поэтому, даже если Тяньхоу не благоволит Наследному принцу, в конечном счёте престол, вероятно, достанется ему. Тяньхоу — родная мать Наследного принца, и он стал наследником именно потому, что она взошла на престол. Поэтому, как бы Наследный принц ни конфликтовал с Тяньхоу, он обязан почитать свою мать. Таковы правила. Пока Наследный принц и Князь Цзи — братья и подданные, между ними сохраняются родственные чувства. Но в будущем всё изменится. Наследный принц, будучи государем, будет скован волей матери, а Князь Цзи, оставаясь подданным, будет возвышаться над ним. Со временем, даже если Наследный принц останется добрым, министры начнут роптать. Наследный принц не посмеет тронуть самого Князя Цзи, но разве не сможет расправиться с его сторонниками? А Князь Цзи, долгое время находясь в таком положении, разве не захочет большего? Молодой, избалованный, любимый матерью — разве не станет он действовать опрометчиво? Чем дольше два дракона таят вражду, тем яростнее будет их борьба и тем шире круг пострадавших. Поэтому я и советую вам сохранять нейтралитет и не примыкать ни к одной из сторон, чтобы не посеять семена будущей беды».

Я горько усмехнулась: «Всё верно». Если бы матушка не была той самой Цзэтянь, слова Вэй Хуань были бы абсолютно справедливы. Увы, матушка и есть та самая, не имеющая себе равных в веках, императрица. В её глазах все правила и законы, о которых говорила Вэй Хуань, — всего лишь инструменты. Удобные — используют, негодные — отбрасывают, как старые башмаки. Никакие ранги или старшинство для неё не важны — важна лишь власть.

Даже чувства к собственным детям.

Я вздохнула: «А-Хуань, можно... можно я тебя обниму?»

Она не ожидала, что после долгой речи я скажу именно это, и на мгновение замерла. Увидев моё лицо, она сжала губы, развела руки и нерешительно прижалась ко мне.

Я крепко обняла её, жадно вдыхая аромат, исходивший от её шеи. Спустя долгое время я тихо прошептала ей на ухо: «А-Хуань, если бы я не была принцессой... ты бы хотела быть моей подругой?»

Вэй Хуань медленно, будто нехотя, обняла меня в ответ. Прошло несколько мгновений, прежде чем она произнесла: «Я вся вспотела. Позвать служанок, чтобы принесли воду? Помогу тебе умыться. Ложись спать пораньше».

Южный район Восточной столицы, квартал Анье, располагался не слишком далеко и не слишком близко ни от Императорского города, ни от юго-западных городских ворот Диндин. Изначально здесь селилась местная знать. Однако в последние годы, поскольку священный экипаж императора часто навещал Восточную столицу, многие придворные чиновники обзавелись здесь загородными усадьбами, и в квартале Анье постепенно поселилось множество иногородних сановников.

На северо-западе квартала, у канала Тунци, стоял один из таких домов среднего достатка. Всего два десятка с небольшим комнат, у ворот обычно дежурили двое старых привратников, для выездов использовались повозки, запряжённые ослиами или мулами — никакого показного богатства. Но стоило кому-то войти внутрь, как взору открывались искусная резьба по дереву, позолота и нефритовые инкрустации. Павильоны и беседки, хоть и не поражали размахом, были исполнены с изысканным вкусом; картин и каллиграфических свитков было немного, но

все — работы знаменитых мастеров.

Комнат было немного, зато дворов — пять или шесть. В самом западном даже отвели воду из канала Тунцзи, устроив извилистый ручей с павильоном, со всех сторон засаженный диковинными цветами и деревьями, отчего там царила пышная зелень и благоухание в любое время года.

Посреди ручья, на павильоне, стоял столик для цитры, а на нём — старинный инструмент. На цитре не было ни имени, ни метки, неизвестно, чьих рук это дело, да и украшений никаких.

В послеобеденное время в павильоне кто-то, куря благовония, сидел, перебирая струны. Движения были непринуждёнными, но мелодия складывалась в цельную композицию. В порыве вдохновения исполнитель вдруг сменил мелодию: с «Цветущей ивы» перешёл на «Песнь о битве», и ещё не смолкли бряцающие, подобные стуку копыт, звуки, как они сменились тоскливой и плавной «Трудностью разлуки». Не прозвучав и одной части, мелодия вновь перешла в «Песнь о мече», а завершив её, превратилась в «Радость в тысячу осеней» — среди этих произведений были и крупные формы из репертуара Цзяофан, которые в сольном исполнении на одном инструменте часто звучат бедно, но этот музыкант умудрялся проявлять изобретательность, соединяя быстрые пассажи так, что в возвышенных моментах казалось, будто звучит целый оркестр, а в нежных и печальных — будто множество голосов вздыхает в унисон. И в мягкой грусти, и в бряцании оружия он улавливал самую суть, так что даже служившая рядом девочка прислушивалась, и на её лице сменялись тоска и воодушевление, будто она полностью погрузилась в мир музыки.

Дугу Шао, войдя во двор, услышала как раз «Песнь о мече». Она остановилась и взглянула на человека в павильоне. Служанка хотела было подойти, но Дугу Шао жестом остановила её, под предлогом жажды попросив принести холодный напиток, а сама спокойно дослушала произведение. Лишь затем она поднялась по ступеням и, хлопнув в ладоши, воскликнула: «Прекрасно!»

Цуй Мин-дэ бережно провела рукой по струнам и медленно поднялась: «Сегодня цикады слишком шумят, играть не стоит. Убери».

Служанка тихо кивнула и принялась убирать инструмент. Ей было всего лет девять-десять — возраст, когда девочки обычно резвятся и играют, — но движения её были изысканно сдержанны. Не получив приказа, она даже не взглянула на стоявшую рядом Дугу Шао, не говоря уж о том, чтобы проронить слово.

Во дворе остались лишь Цуй Мин-дэ, Дугу Шао и девочка. Никто не говорил, и воцарилась полная тишина.

Дугу Шао, ничуть не смущаясь, первой нарушила молчание, улыбнувшись: «Услышав, что ваша госпожа нездорова, пришла навестить».

Цуй Мин-дэ бросила на неё взгляд и, неспешно спускаясь со ступеней, проговорила: «Благодарю за заботу. Моя матушка приболела, принимать гостей неудобно. Прошу извинить».

Дугу Шао последовала за ней и, продолжая улыбаться, спросила: «Играть на цитре можно, а гостей принимать нельзя? Таковы ли обычаи вашего знатного клана из Шаньдуна?»